

Академия наук Республики Татарстан
Марийский государственный университет

**ПОВОЛЖСКАЯ
АРХЕОЛОГИЯ**

№ 1 (15)

2016

Номер журнала посвящен
памяти известных российских археологов
О.В. Данилова, В.Н. Мартыанова и И.М. Петербургского

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

- Федулов М.И. (Чебоксары, Россия), Соловьев Б.С. (Йошкар-Ола, Россия).*
Аблязовский курган (к вопросу о курганных могильниках
балановской культуры) 8
- Сапрыкина И.А., Кузьминых С.В., Пельгунова Л.А. (Москва, Россия).*
Исследование химического состава цветного металла
Ананьинского могильника 26
- Голдина Р.Д., Бернц В.А. (Ижевск, Россия).*
Хронология погребений I–II вв. Тарасовского могильника 41
- Ставицкий В.В. (Пенза, Россия).*
Хронология арочных шумящих подвесок с конями 90
- Лецинская Н.А. (Ижевск, Россия).*
«Жертвенные комплексы» как элемент погребальных традиций
населения Вятского края в раннем средневековье 102
- Никитина Т.Б., Воробьева Е.Е. (Йошкар-Ола, Россия),
Федулов М.И. (Чебоксары, Россия).* Украшения Анаткасинского
могильника: о культурной принадлежности памятника 121
- Новиков А.В., Баранов В.С. (Кострома, Россия).* Городище Унорож:
предварительные итоги археологических работ 2014 г. 143
- Михеев А.В., Михеева А.И. (Йошкар-Ола, Россия).*
Носельское III селище по результатам исследований 2008 г. 169
- Волков А.В. (Чебоксары, Россия).* Погребальный обряд чувашей
и финно-угров (сопоставительный анализ) 182
- Никитина Т.Б. (Йошкар-Ола, Россия), Павлова Н.А. (Москва, Россия).*
Об одном типе украшений марийского костюма XVI–XVIII вв. 191
- Данилов П.С. (Йошкар-Ола, Россия), Макарова Е.М. (Казань, Россия),
Блинова Д.С. (Йошкар-Ола, Россия).*
«Новокрещены» Входоиерусалимского некрополя Царевококшайска:
историко-археологический и антропологический анализ 202
- Губайдуллин А.М., Хузин Ф.Ш., Шакиров З.Г. (Казань, Россия).*
О фортификации «Великого города» – Биляра 223

Заметки

- Воробьева Е.Е. (Йошкар-Ола, Россия), Федулов М.И. (Чебоксары, Россия).*
«Большие Ключищи» Ульяновской области как новый
археологический комплекс: предварительные итоги235
- Королева М.С. (Саранск, Россия).*
Сумки из древнемордовских памятников VII–X вв.249
- Гришаков В.В., Седьшев О.В., Любимкина Е.С. (Саранск, Россия).*
Находки раннесредневековых ритуальных ложечек
в Окско-Свияжском междуречье256

Хроника

- Зеленеев Ю.А., Иванов А.Г., Сидоров О.А. (Йошкар-Ола, Россия).*
Памяти О.В. Данилова (1954–2014).....266
- Вихляев В.И. (Саранск, Россия), Зеленеев Ю.А. (Йошкар-Ола, Россия).*
Памяти И.М. Петербургского (1937–2015).....271
- Зеленеев Ю.А. (Йошкар-Ола, Россия), Зеленцова О.В. (Москва, Россия).*
Памяти В.Н. Мартъянова (1934–2015).....275
- Ситдииков А.Г., Каримов И.Р. (Казань, Россия).* Об основных итогах
научной деятельности Института археологии им. А.Х. Халикова
Академии наук Республики Татарстан в 2015 г.276
- Список сокращений291
- Правила для авторов293

*Issue of the journal is dedicated
to the memory of famous Russian archaeologists
O.V. Danilov, V.N. Martyanov and I.M. Peterburgsky*

CONTENTS

Articles

- Fedulov M.I. (Cheboksary, Russian Federation), Soloviev B.S. (Yoshkar-Ola, Russian Federation).* Ablazovo Barrow (on the burial mounds of the Balanovo culture)8
- Saprykina I.A., Kuz'minykh S.V., Pelgunova L.A. (Moscow, Russian Federation).* Analysis of Chemical Composition of Non-Ferrous Metal Items from the Ananyino Burial Ground26
- Goldina R.D., Bernts V.A. (Izhevsk, Russian Federation).* Chronology of the 1st–2nd Century Graves from the Tarasovo Burial Ground41
- Stavitsky V.V. (Penza, Russian Federation).*
The Chronology of the Arched Rustling Pendants with Horses90
- Leshchinskaya N.A. (Izhevsk, Russian Federation).*
“Sacrificial Complexes” as an Element of Funerary Traditions of the Vyatka Population in the Early Middle Ages.....102
- Nikitina T.B., Vorobeva E.E. (Yoshkar-Ola, Russian Federation), Fedulov M.I. (Cheboksary, Russian Federation).* Jewelry from the Anatkasi Burial Ground: Towards Cultural Attribution of the Site121
- Novikov A.V., Baranov V.S. (Kostroma, Russian Federation).* The Unorozh Hillfort: Preliminary Results of Archaeological Activities in 2014143
- Mikheev A.V., Mikheeva A.I. (Yoshkar-Ola, Russian Federation).*
Nosely III Settlement by Results of Studies in 2008169
- Volkov A.V. (Cheboksary, Russian Federation).* The Funerary Ceremony of the Chuvash and Finno-Ugric Peoples (a comparative study)182
- Nikitina T.B. (Yoshkar-Ola, Russian Federation), Pavlova N.A. (Moscow, Russian Federation).* On One Type of Decoration of the Mari Costume in the 16th – 18th Centuries191
- Danilov P.S. (Yoshkar-Ola, Russian Federation), Makarova E.M. (Kazan, Russian Federation), Blinova D.S. (Yoshkar-ola, Russian Federation).* The “Neophytes” from the Vkhodoierusalimskii Necropolis in Tsarevokokshaisk: historical, archaeological and anthropological analysis.....202
- Gubaidullin A.M., Khuzin F.Sh., Shakirov Z.G. (Kazan, Russian Federation).*
On Fortification of “The Great City” of Bilyar.....223

Notes

<i>Vorobeva E.E. (Yoshkar-Ola, Russian Federation), Fedulov M.I. (Cheboksary, Russian Federation). “Bolshie Klyuchishi” (Ulyanovsk Oblast) as a New Archaeological Complex: Preliminary Results</i>	235
<i>Korolyova M.S. (Saransk, Russian Federation). Purses from Ancient Mordovian Sites of the 7th – 10th Centuries</i>	249
<i>Grishakov V.V., Sedishev O.V., Lyubimkina E.S. (Saransk, Russian Federation). Findings of Ritual Spoons of the Early Middle Ages in the Oka-Sviyaga Interfluve</i>	256

Chronicle

<i>Zeleneev Yu.A., Ivanov A.G., Sidorov O.A. (Yoshkar-Ola, Russian Federation). Ad Memoriam O.V. Danilov (1954–2014)</i>	266
<i>Vikhlyaev V.I. (Saransk, Russian Federation), Zeleneev Yu.A. (Yoshkar-Ola, Russian Federation). Ad Memoriam I.M. Peterburgsky (1937–2015)</i>	271
<i>Zeleneev Yu.A. (Yoshkar-Ola, Russian Federation), Zelentsova O.V. (Moscow, Russian Federation). Ad Memoriam V.N. Martyanov (1934–2015)</i>	275
<i>Sitdikov A.G., Karimov I.R. (Kazan, Russian Federation). Key Results of Scientific Activities of the Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan in 2015</i>	276
List of abbreviations	291
Submissions.....	293

УДК 903.02

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД ЧУВАШЕЙ И ФИННО-УГРОВ (СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)

© 2016 г. А.В. Волков

В статье проводится сравнение погребального обряда чувашей и соседних финно-угорских народов Среднего Поволжья и Приуралья (марийцев, мордвы, удмуртов) в XV–XIX вв. Актуальность исследования связана с дискуссионностью вопроса об этногенезе чувашского народа. Выделяются общие и отличительные черты топографии могильников, устройства могильных ям и надмогильных сооружений, ориентировок погребенных, положения костяков. Наряду с археологическими источниками, в исследовании использованы этнографические данные по всем рассматриваемым народам. Предпринимаются попытки выявить истоки и причины бытования у этих народов тех или иных погребальных традиций. Результаты сопоставления показывают заметное финно-угорское влияние на погребальный обряд чувашей, а также взаимопроникновение культур.

Ключевые слова: археология, Среднее Поволжье, XV–XIX вв., чувашаи, марийцы, мордва, удмурты, погребальный обряд, могильники, надмогильные сооружения.

Погребально-поминальные обряды являются одними из наиболее важных показателей этнической специфики. В силу своей консервативности они сохраняют важные черты идеологических представлений.

Изменения в погребальном обряде могли происходить либо в случае сильного культурного давления, либо длительных культурных контактов с соседними народами, приводивших к взаимопроникновению культур.

Исследование в сравнительном плане духовной и материальной культуры нескольких этносов позволяет выделить общие, характерные для всех изучаемых народов черты, а также подчеркнуть специфические, свойственные только одному этносу.

Особенно это актуализируется в связи с дискуссионностью вопроса об этногенезе чувашского народа. Изучение чувашского тюркского на-

рода в сравнении с финно-угорскими народами позволяет выделить из погребального обряда специфические, характерные только для чувашей черты, что, возможно, дополнит существующую в науке фактологическую базу.

Хронологические рамки исследования ограничены XV–XIX вв. в связи с тем, что только с конца XV века можно говорить о чувашах как о сформировавшемся этносе, а уже с XIX века в погребальной обрядности исчезают основные черты традиционных погребений.

Изучению чувашско-финно-угорских параллелей в погребальном обряде в науке уделено немало внимания. Имеются диссертационные исследования Г.И. Дроздовой (Дроздова, 2007, 307 с.), а также А.А. Степановой (Степанова, 2003, 365 с.). Однако сама проблема погребального обряда чувашей незаслуженно оттеснена на

второй план. С конца 1970-х годов в литературе нет обобщающих трудов, а в статьях и монографиях даются общие характеристики. Полной информации, обобщенной и детализированной, например, в монографическом исследовании нет, что в отличие от изучения соседних финно-угорских народов Среднего Поволжья. В связи с этим актуализируется тема параллелей чувашей и финно-угров в погребальном обряде.

Описание погребального обряда, на наш взгляд, следует начинать с месторасположения могильников. Могильники чувашей занимают возвышенные места рядом с водой и отделены от селения естественной преградой (рекой, оврагом, лесом) (Федулов, 2012, с. 53). Такая преграда, видимо, должна была отделять мир мертвых от мира живых.

Удмурты располагали свои могильники также вблизи воды. Однако место могильника не всегда возвышается над поверхностью. Н.И. Шутова разделяет по топографическому расположению могильники удмуртов XVI–XIX вв. на пять групп. По этой классификации, площадки пятой группы могильников (43,2 %) никак не выделяются над поверхностью. В остальных случаях место могильника либо возвышается, либо возвышается незначительно. Причем эта местность в большинстве случаев понижается к югу (в редких случаях – к северу, востоку или западу). Кроме того, есть основания предполагать, что в древности удмурты располагали кладбища в лесу, ограждая территорию деревянной оградой и рвом (Шутова, 1992, с. 55–56).

Могильники марицев XVI–XVIII веков занимают мысы, образованные

слиянием рек, на краю надлуговой террасы; ровные площадки и склоны надлуговых террас; в редких случаях естественные возвышения полей и мыс песчаной дюны в пойме реки (Никитина, 1992, с. 17). На Картуковском марицком могильнике прослежены следы каменной изгороди (Никитина, 1992, с. 14).

Все мордовские могильники расположены на возвышении и укреплены естественным образом. Только на курганно-грунтовом могильнике Лобаски имеется искусственная ограда (Малкова, 2000, с. 11).

Следы ограждений на чувашских погребальных памятниках встречены только на Бахтигильдинском могильнике, хотя ограждениями их можно назвать весьма условно. Могильник расположен на мысовидном участке, на площадке которого имеются следы рва. Данный ров отделяет мордовский могильник XVI–XVII вв. от чувашского могильника XVII в. (Каховский Б.В., 1977, с. 47).

Могильные ямы на могильниках вышеупомянутых народов не перекрывают друг друга, что может свидетельствовать о существовании надмогильных сооружений.

Так, на чувашских могильниках устанавливались каменные и деревянные столбы «юпа» («юба»). Судя по работам этнографов, предпочтение отдавалось деревянным столбам, так как, по верованиям чувашей, дерево ассоциировалось с живым (Салмин, 2009, с. 207). Особенностью чувашских надмогильных сооружений являются каменные надмогильные столбы. Большинство этих юпа содержат арабграфичные надписи. В некоторых исторических описаниях есть сведения о том, что столбы исписаны

«какими-то буквами, непохожими ни на русския, ни на татарския» (Пекарский 1865, с. 60). В данном случае речь идет об юпа с древнечувашской рунической письменностью (Салмин, 2009, с. 207).

У удмуртов следы надмогильных деревянных сооружений в виде остатков кола прослежены лишь в 2-х случаях (могильники Енабердино, Аты) (Шутова, 1992, с. 56). Этнографические данные позволяют судить о сооружении удмуртами надмогильного холмика, а также навесов и срубов. Хотя последние, видимо, не имели повсеместного распространения (Шутова, 1992, с. 57–58).

На марийских могильниках устанавливались колья и шесты, которые прослеживаются и археологически (Никитина, 1992, с. 18). На Кадочниковском могильнике были зафиксированы столбовые ямки по углам могильной ямы, которые в плане образуют изгородь (Шапран, Сенникова, 2014, с. 14).

Небольшая часть погребений мордвы (2,9 %) были отмечены деревянными столбиками. Причем данная традиция наблюдается в основном у мокши. В то же время, для мордвы-эрзи было характерно сооружение курганно-грунтовых могильников (Малкова, 2000, с. 11).

Расположение погребений группами на чувашских погребальных памятниках не отмечено, хотя на некоторых финно-угорских могильниках эта традиция наблюдается. Так, на 4-х удмуртских могильниках обнаружены группы погребений. Хотя и удмурты в большинстве случаев погребения располагали рядами (Шутова, 1992, с. 56). На марийских могильниках могилы образовывали нечеткие ряды,

хотя на некоторых отмечено групповое расположение (Никитина, 1992, с. 17–18). На мордовских погребальных комплексах прослеживается тенденция к группировке захоронений, что, по мнению исследователей, связано с сильными родовыми традициями (Шутова, 2000, с. 11).

Для всех исследуемых народов было характерно сооружение прямоугольных могильных ям со слегка скругленными углами и ровным дном. В исключительных случаях встречаются погребения овальной и неправильной формы, как и сооружение подбоев и заплечиков (Федулов, 2012, с. 56; Шутова, 1992, с. 59; Никитина, 1992, с. 18–19; Малкова, 2000, с.).

Глубина могильных ям на чувашских могильниках варьируется в зависимости от времени захоронения – до принятия христианства могильные ямы имели небольшую глубину, но с его принятием глубина стала увеличиваться. Классическим примером может служить Мартыновский могильник, который представляет собой некрополь XVI–XIX вв. В западной части могильника были обнаружены погребения XVIII–XIX вв., а в восточной – погребения XVI–XVII вв. (Каховский Б.В., 1978, с. 95–118). По верованиям чувашей, могилу следовало копать до красной глины. Если же покойника хоронили в черной земле, то при наступлении конца света «поедающий черную землю» (*Хура тӓпра сиекен*) вместе с землей может съесть и тело покойника (Прокопьев, 1903, с. 15).

Для марийцев характерна глубина могильных ям до 100 см. Небольшая часть погребений имеет глубину больше 100 см, что связано с принятием христианства.

Существует несколько вариантов объяснения небольшой глубины могильных ям на марийских могильниках:

1) Копая могилу, марийцы старались не становиться в нее ногами, что было продиктовано страхом перед могилкой (Кузнецов, 1907, с. 19).

2) Боязнь большого количества земли над покойником, что могло стать препятствием для вознесения души на небо (Никитин, 1980, с. 64).

Глубина удмуртских могил варьируется от 30 до 80 см, а в единичных случаях обнаружены погребения с глубиной от 80 см (Шутова, 1992, с. 60).

Особое значение в погребальном обряде имеет ориентировка погребенных, иногда являясь и этноопределяющим признаком. Так, исследователи финно-угорской традиции истоки просеверной ориентировки видят в мифологических представлениях (Шапран, Сенникова, 2014, с. 17). Это особенно хорошо прослеживается на погребальном обряде удмуртов. Северная ориентация у них является преобладающей, правда, с несколько отклонением к западу или востоку (62,3 %). Остальные ориентировки не так значительны – западная 10,1 %, юго-западная (12,3 %), южная (3,6%), восточная (2,6 %), юго-восточная (1,4 %) (Шутова, 1992, с. 65).

Для марийцев также была характерна просеверная ориентация, однако с большим распространением западной и южной ориентировок (Никитина, 1992, с. 26). Для мордвы более распространенной является западная ориентировка (53,8 %). Восточная ориентировка составляет 3 %, северная – 17%, южная – 18,8 % (Малкова, 2000, с. 13–14).

Исследователи подразделяют чувашские могильники по ориентировке на 2 группы (Федулов, 2011, с. 265). Данное деление совпадает с территориями проживания этнических групп чувашей:

1) Северо-западная и центральная группа (территория проживания верховых чувашей – вирьял – и средненизовых чувашей – анат енчи) – одинаковое распространение северо-западной (Икковский, Староурмарский, Толиковский могильники) и западной ориентировок (Новоядринский, Новосюрбеевский могильники). Необходимо отметить, что на данной территории встречены могильники, в которых были обнаружены погребения как с северо-западной, так и с западной ориентировками (Верхнеачакский могильник, п. 48 и п. 49). Северная ориентировка встречена в исключительных случаях (Староурмарский, Катергинский «Тубах мазар» могильники). В книге А.А. Фукс отмечено, что в древности чуваша хоронили головой на север (Фукс, 1840, с. 101).

2) Южная группа (территория проживания низовых чувашей-анатри) – характеризуется полным преобладанием западной ориентировки. Исключение составляет Бахтигильдинский могильник. Наличие северной, северо-западной, южной, северо-восточной, юго-восточной, юго-западной ориентировок на данном могильнике объясняется этническими различиями населения – в южной части хоронили мордву, проживавшую по соседству с чувашами.

Костяки погребенных у всех изучаемых народов лежали вытянуто на спине. Руки и ноги погребенных в могильниках находились в большинстве случаев в вытянутом положении.

Необходимо отметить, что на Новоядринском могильнике в Ядринском районе Чувашии было встречено три погребения (№ 7, 14 и 94) с нехарактерными чертами для общечувашского обряда захоронения. Так, костяк в погребении № 7 располагался на правом боку, в погребении № 14 – на левом боку, в погребении № 94 – на правом боку. Ноги умершего в погребениях № 7 и № 14 были подогнуты, а руки согнуты в локтях и кисти рук расположены около лица. В погребении № 94 ноги погребенного были вытянуты, руки согнуты в локтях и располагались перед лицом. М.И. Федулов наличие погребений такого типа на данном могильнике, не встречавшихся более у чувашей, объясняет совместным проживанием и межэтническими браками с соседней мордвой (Федулов, 2012, с. 58). Хотя Малкова Н.М. отмечает, что во всех мордовских могилах изучаемого периода погребенные лежали вытянуто на спине с прямыми ногами (Малкова, 2000, с. 13). Тем не менее, учитывая то, что покойники с подогнутыми ногами встречены только на чувашском Новоядринском могильнике, нельзя не согласиться с мнением М.И. Федулова о привнесенном характере этих черт в погребальный обряд указанных народов. У марицев найдены единичные захоронения умерших с едва подогнутыми ногами (Никитина, 1992, с. 26). На удмуртских могильниках покойники уложены на спину с вытянутыми ногами (Шутова, 1992, с. 66).

Чуваши покойников хоронили в деревянных конструкциях, которые можно проследить как по археологическим, так и этнографическим источникам. При этом встречаются погребения, в которых никаких следов

деревянной конструкции не было обнаружено. По всей видимости, их и не существовало. А.К. Салмин отмечает, что в древности покойников могли хоронить и без гробов – их просто заворачивали в бересту, войлок или холст (Салмин, 2010, с. 249).

Сама деревянная конструкция видоизменялась и усложнялась с течением времени. Так, на более ранних могильниках были найдены лубовые конструкции, дубовые колодки либо просто деревянные рамы, которые перекрывались досками (Каховский Б.В., Каховский В.Ф., 1992, с. 102). В XVIII в. чуваша на дно могилы клали доски, на них – перину или ковер, потом – труп. С боков и сверху обкладывали досками. Затем появляется коробка без дна, дно которых заменялось лыком. Конструкции таких типов, по форме напоминающих колыбель, по мнению А.К. Салмина, делались для того, чтобы покойникам было нежестко лежать. Следует добавить, что гроб ассоциировался с кораблем, на котором умерший переправляется в мир иной, т.е. за водное препятствие (Салмин, 2010, с. 249).

У марицев была распространена конструкция, представляющая собой раму из четырех досок, поставленных на ребро таким образом, что боковые доски на 5–7 см выступают за торцовые. При этом торцовые доски по высоте были больше боковых и намного углублены в землю. Данную конструкцию, которая не имела дна, сверху закрывали дощатой крышкой. Однако на могильниках были встречены крышки из луба и коры.

На дне могилы марицы устраивали подстилку из войлока, ткани, пера, луба и дерева. Захоронения в классических гробах были встречены в по-

гребенях конца XVII – начала XVIII века. Появление таких гробов как у чувашей, так и у марийцев Т.Б. Никитина связывает с распространением христианства среди населения, тем самым опровергая гипотезу Б.В. Каховского о том, что чувашаи переняли такие формы гробов от волжских болгар. Она справедливо отмечает, что на ранних памятниках на территории Чувашии (могильники «Палаху» и у с. Большая Таяба) никаких следов от деревянных конструкций в могилах обнаружено не было. Однако следует заметить, что точка зрения Т.Б. Никитиной является не совсем корректной, так как отсутствуют другие свидетельства распространения христианства у населения (наличие крестов у погребенных, большая глубина захоронений, снижение количества погребального инвентаря). К тому же насильственное распространение христианской религии начинается только с середины XVIII в. Причины появления гробов такого типа следует, видимо, искать во взаимодействии средневожских народов с русскими в присурских районах. На памятниках в большом количестве присутствуют монеты, а иногда и вещи, изготовленные русскими мастерами (в Верхнеачакском могильнике найдена железная пряжка с русской надписью). Как показали исследования раннего русского поселения Курмыш-4, с конца XIV в. в районе нижней Суры между русскими, мордвой, марийцами и чувашами происходили активные контакты в области материальной культуры (Федулов, 2012, с. 59).

У мордвы часть захоронений устроены без каких-либо деревянных конструкций на дне могильной ямы. Тем не менее встречаются погребаль-

ные конструкции в виде гроба, колоды, подстилки, луба, сруба, рамы (Малкова, 2000, с. 12). Наличие сруба в могильных ямах является, по всей видимости, отличительной чертой мордвы, так как у других изучаемых народов данный вид деревянной могильной конструкции встречен не был.

Удмурты хоронили умерших в погребальных конструкциях различных видов – гробах, деревянных рамах, на подстилке, колодах (Шутова, 1992, с. 61–62).

Исследование выявило, что погребальный обряд изучаемых народов имеет много схожих черт, но есть и некоторые отличия.

У всех исследуемых в статье народов наблюдается стремление расположить могильники на возвышенном месте, рядом с водой. Кроме того, у мордвы и чувашей кладбища отделены от селения естественной преградой.

Могильные ямы не перекрывают друг друга, что свидетельствует о наличии надмогильных сооружений. Чаще всего отмечено, наличие деревянных сооружений – столбов, срубов, кольев. Для чувашского этноса наиболее характерными являются каменные и деревянные столбы «юпа» («юба») с нанесенными на них руническими или арабграфичными надписями. Данная традиция менее характерна для финно-угров – у марийцев устанавливались колья и шесты без надписей, а для мордвы надмогильные сооружения встречались в редких случаях. Надмогильные сооружения удмуртов отличаются большей распространенностью срубов и изгородей.

Группы захоронений на чувашских могильниках не встречены, хотя и прослежены исследователями на финно-угорских могильниках.

И чувашаи, и финно-угры устраивали могильную яму прямоугольной формы со слегка округленными углами и небольшой глубиной. В исключительных случаях встречаются у всех народов ямы овальной и неправильной форм, с подбоями и заплечиками.

Исследователи отмечают характерность для финно-угров просеверной ориентации, что и прослеживается при изучении их могильников. Для чувашского населения преобладающей ориентировкой погребенных является западная, а просеверная характерна только для верховой и средненизовой этнографических групп.

Костяки погребенных лежат вытянуто на спине, но в исключительных случаях встречаются умершие с подогнутыми руками и ногами.

У всех изучаемых народов отмечены деревянные сооружения различных видов – рамы, гробы, лубяные подстилки, в могильной яме, – хотя они не являлись повсеместно распространенными. При рассмотрении данного вопроса следует, на наш взгляд, проанализировать их эволюцию.

Причиной сходства служат, видимо, одинаковые социально-экономические условия, в которых жили народы в исследуемый период, что способствовало взаимопроникновению культур. Кроме того, нельзя отрицать фактор влияния финно-угорской культуры в период этногенеза чувашей, что и отразилось в погребальном обряде.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дроздова Г.И. Погребальный обряд народов Волго-Камья XVI–XIX веков: по археологическим и этнографическим материалам. Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2007. 307 с.
2. Каховский В.Ф. Исследование средневековых могильников в Чувашии в 1975 г. / Архив ИА РАН. Ф.1. Р. I. Д. 5428.
3. Каховский Б.В. Мартыновский могильник // Исследования по археологии Чувашии / Отв. ред. В.Ф. Каховский. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ СМ ЧАССР, 1978. С. 95–118.
4. Каховский Б.В., Каховский В.Ф. Археология Среднего Поволжья. Учеб. пос. 2-е изд., доп. Чебоксары: Изд-во ЧГУ, 1992. 130 с.
5. Кузнецов С.К. Культ умерших и загробные верования луговых черемис. Вятка: Губернская Типография, 1907. 77 с.
6. Малкова Н.М. Погребальный обряд эрзи и мокши XVI–XVIII вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2000. 23 с.
7. Никитин В.В. Древние культы финно-угров Средней Волги (по фольклорным и археологическим материалам) // Вопросы марийского фольклора и искусства. Вып. 2 / Науч. ред. А.Е. Китиков. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1980. С. 63–67.
8. Никитина Т.Б. Марийцы (конец XVI – начало XVIII вв.) по материалам могильников. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1992. 160 с.
9. Пекарский П. Путешествие академика Николая Иосифа Делиля в Березов в 1740 году // Записки Императорской Академии наук. Т. VI. СПб., 1865. 81 с.
10. Прокопьев К.П. Похороны и поминки у чуваш. Казань: Типо-литогр. Император. ун-та, 1903. 39 с.
11. Салмин А.К. Юпа – антропоморфный столб на могиле у чувашей // Сибирский сборник-1: Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. Кн. 2 / Отв. ред. Л.Р. Павлинская. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 204–210

12. Салмин А.К. Традиции при укладывании в гроб у чувашей // Интеграция археологических и этнографических исследований: сборник научных трудов / Отв. ред. Н.А. Томилов, М.Л. Бережнова, С.Н. Корусенко, Р.С. Хакимов. Ч. 1. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ; Иркутск-Омск, 2010. С. 249–252.

13. Степанова А.А. Религиозно-культурные связи чувашей и марийцев по материалам языческих похоронно-поминальных обрядов: XVI–начало XX вв. Дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2003. 365 с.

14. Федулов М.И. Погребальный обряд чувашей в XV–XIX вв. // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. II. СПб. – Великий Новгород – Москва: Изд-во «Новгородский технопарк», 2011. С. 265–266.

15. Федулов М.И. Этнокультурные компоненты в погребальном обряде чувашей // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Часть 3. № 6. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2012. С. 53–61.

16. Фукс А.А. Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии. Казань: Типография Императорского Казанского университета, 1840. С. 101.

17. Шапран И.Г., Сенникова Л.А. Вятские марийцы в XVI–XVIII вв. (по материалам Кадочниковского могильника). Ижевск: Сарапульская типография, 2014. 248 с.

18. Шутова Н.И. Удмурты XVI – первой половины XIX в.: по данным могильников. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1992. 264 с.

Информация об авторе:

Волков Александр Владимирович, аспирант, заведующий сектором археологии и древней истории, Чувашский национальный музей (г. Чебоксары, Россия); volkov_aleksandr00@bk.ru

THE FUNERARY CEREMONY OF THE CHUVASH AND FINNO-UGRIC PEOPLES (A COMPARATIVE STUDY)

A.V. Volkov

The article compares the funerary ceremonies of the Chuvash people and their Finno-Ugric neighbors in the Middle Volga area and the Urals (Mari, Mordovians, Udmurts) in 15th – 19th centuries. The discussion is relevant because the ethnic genesis of the Chuvash is still debated. Highlighted are common and distinctive features of topography of the burial grounds, design of burial pits and tomb structures, orientation of inhumations, position of bodies. Along with the archaeological sources, the author invokes ethnographic data on each of the studied peoples. He attempts to identify the origins and reasons for certain funerary traditions spread among these peoples. The results show a remarkable Finno-Ugric influence on the funerary ceremony of the Chuvash as well as diffusion of cultures.

Keywords: archaeology, Middle Volga area, 15th – 19th centuries, Chuvash, Mari, Mordovinians, Udmurt, funerary ceremony, burial grounds, tomb structures.

REFERENCES

1. Drozdova, G. I. 2007. *Pogrebal'nyi obriad narodov Volgo-Kam'ia XVI–XIX vekov: po arkhelogicheskim i etnograficheskim materialam (Funerary Rite of the Volga-Kama Area Peoples in 16th – 19th centuries: by the Archaeological and Ethnographical Data)*. PhD Diss. Kazan (in Russian).

2. Kakhovskii, V. F. *Issledovanie srednevekovykh mogil'nikov v Chuvashii v 1975 g. (Studies of the Medieval Burial Grounds in Chuvashia in 1975)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund 1. Reg. I, dossier 5428 (in Russian).

3. Kakhovskii, B. V. 1978. In Kakhovskii, V. F. (ed.). *Issledovaniia po arkheologii Chuvashii (Studies in the Archaeology of Chuvashia)*. Cheboksary: Chuvashia Institute of Language, Literature, History, and Economy affiliated to the Council of Ministers of Chuvashian ASSR, 95–118 (in Russian)

4. Kakhovskii, B. V., Kakhovskii, V. F. 1992. *Arkheologiia Srednego Povolzh'ia. Uchebnoe posobie (Archaeology of the Middle Volga Area: Educational book)*. Cheboksary: Chuvashia State University (in Russian).
5. Kuznetsov, S. K. 1907. *Kul't umershikh i zagrobnye verovaniia lugovykh cheremis (The Cult of the Dead and Beliefs in Life after Death among the Meadow Cheremis)*. Vyatka: Provincial Typography (in Russian).
6. Malkova, N. M. 2000. *Pogrebal'nyi obriad erzi i mokshi XVI–XVIII vv. (Funerary Rite among the Erzya and Moksha in 16th – 18th Centuries)*. PhD Diss. Samara (in Russian).
7. Nikitin, V. V. 1980. In Kitikov, A. E. (ed.). *Voprosy mariiskogo fol'klora i iskusstva (Issues of Mari People Folklore and Art)* 2. Yoshkar-Ola: "Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 63–67 (in Russian).
8. Nikitina, T. B. 1992. *Mariitsy (konets XVI – nachalo XVIII vv.) po materialam mogil'nikov (Mari People in Late 16th – Early 18th Centuries by Materials of the Burial Grounds)*. Yoshkar-Ola: Mari Research Language, Literature, and History Institute (in Russian).
9. Pekarskii, P. 1865. Puteshestvie akademika Nikolaia Iosifa Delilia v Berezov v 1740 godu (Journey of Academician Joseph-Nicolas Delisle to Berezov in 1740). In *Zapiski Imperatorskoi Akademii nauk (Notes of the Imperial Academy of Sciences)* VI. Saint Petersburg (in Russian).
10. Prokop'ev, K. P. 1903. *Pokhorony i pominki u chuvash (Funerals and Funerary Feasts among the Chuvash people)*. Kazan: Typo-lithography of the Imperial University (in Russian).
11. Salmin, A. K. 2009. In Pavlinskaia, L. R. (ed.). *Sibirskii sbornik (Siberian Collected Papers)* 1. *Pogrebal'nyi obriad narodov Sibiri i sopredel'nykh territorii (Funerary Rite among the Peoples of Siberia and Adjacent Territories)*. Book 2. Saint Petersburg: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, 204–210 (in Russian).
12. Salmin, A. K. 2010. In Tomilov, N. A., Berezhnova, M. L., Korusenko, S. N., Khakimov, R. S. (eds.). *Integratsiia arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy (Integration of Archaeological and Ethnographic Studies)* 1. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences; Irkutsk; Omsk, 249–252 (in Russian).
13. Stepanova, A. A. 2003. *Religiozno-kul'turnye svyazi chuvashei i mariitsev po materialam iazycheskikh pokhoronno-pominal'nykh obriadov: XVI – nachalo XX vv. (Religious and Cultural Relations of the Chuvash and Mari People According the Materials of Pagan Funerals and Funerary Feasts (16th – early 20th Centuries))*. PhD Diss. Saransk (in Russian).
14. Fedulov, M. I. 2011. In *Trudy III (XIX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda (Proceedings of the 3rd (19th) All-Russia Archaeological Congress)* II. Saint Petersburg; Veliky Novgorod; Moscow: "Novgorodskii tekhnopark" Publ., 265–266 (in Russian).
15. Fedulov, M. I. 2012. In *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo (Bulletin of the Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky)*. Part 3, no. 6. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University, 53–61 (in Russian).
16. Fuchs, A. A. 1840. *Zapiski o chuvashakh i cheremisakh Kazanskoj gubernii (Notes on the Chuvash and Cheremis (Mari People) of the Kazan Province)*. Kazan: Typography of the Imperial Kazan University (in Russian).
17. Shapran, I. G., Sennikova, L. A. 2014. *Viatskie mariitsy v XVI–XVIII vv. (po materialam Kadochnikovskogo mogil'nika) (Mari People in the Vyatka River Area in 16th – 18th Centuries (by the Materials of Kadochnikovo Burial Ground))*. Izhevsk: "Sarapul'skaia tipografiia" Publ. (in Russian).
18. Shutova, N. I. 1992. *Udmurty XVI – pervoi poloviny XIX v.: po dannym mogil'nikov (Udmurt People in 16th – First Half of 19th Centuries: by the Data of Burial Grounds)*. Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

About the Author:

Volkov Alexander V. Chuvash National Museum. Red Square, 5/2, Cheboksary, 428032, the Chuvash Republic, Russian Federation; volkov_aleksandr00@bk.ru